

Научная статья
УДК 811.1/.8.
DOI: 10.14529/ling240105

КОНСТРУКТИВНЫЙ VS ДЕСТРУКТИВНЫЙ МЕТАТЕКСТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ

М.А. Кравченко, mak@rgups.ru
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению проблем структуры, семантики и функций метатекста в художественном тексте. Объем и содержание понятия *метатекст* раскрывается в его сопоставлении с терминами *рефлексив* и *регулятив*. Автор обосновывается собственное оригинальное понимание метатекста, в соответствии с которым метатекст и рефлексив относятся к различным семантическим уровням текста. Рефлексивы формируют каркас метатекста. Метатекст представляет собой смысловую платформу, которая обеспечивает трансляцию художественного замысла текста. В работе проведено типологическое исследование метатекстовых структур в текстах художественных произведений современных русских писателей. При этом были выявлены два базовых функционально-стилистических типа метатекста: конструктивный и деструктивный. Конструктивный метатекст является результатом применения автором художественного текста созидательной модели, опирающейся на семантический потенциал знаков. Деструктивный метатекст основан на разрушении семантического стандарта, он реализуется через механизм деконструкции знака, создавая тем самым новую альтернативную художественную реальность.

Ключевые слова: метатекст, рефлексив, регулятив, метаязыковой комментарий

Для цитирования: Кравченко М.А. Конструктивный vs деструктивный метатекст в произведениях современной русской прозы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2024. Т. 21, № 1. С. 34–41. DOI: 10.14529/ling240105

Original article
DOI: 10.14529/ling240105

CONSTRUCTIVE VS DESTRUCTIVE METATEXТ IN WORKS OF MODERN RUSSIAN PROSE

М.А. Kravchenko, mak@rgups.ru
Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article explores the structure, semantics, and functions of metatext within literary texts. It delineates the scope and content of the metatext concept through comparison with terms such as reflexive and regulative. The author advances an original understanding of metatext, asserting that metatext and reflexive denote distinct semantic levels within a text, with reflexives establishing the metatextual framework. Metatext serves as a semantic platform facilitating the translation of the text's artistic intent. The paper presents a typological analysis of metatext structures in contemporary Russian fiction, identifying two primary functional and stylistic categories: constructive and destructive metatext. Constructive metatext emerges from the author's application of a creative model grounded in the semantic potential of signs, while destructive metatext operates through the deconstruction of semantic norms, thereby engendering alternative artistic reality.

Keywords: metatext, reflexive, regulative, metalanguage commentary

For citation: Kravchenko M.A. Constructive vs destructive metatext in works of modern Russian prose. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2024;21(1):34–41. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling240105

Введение

Термин *метатекст* получил широкое распространение в различных областях гуманитарных исследований. Он используется в работах по философии языка, герменевтике, семиотике, журналистике, литературоведению, лингвистике. В отличие от термина *метаязык*, пришедшего в языкознание из трудов по математической логике, *метатекст* родился в недрах филологической науки. На сегодняшний день можно констатировать, что становление и развитие этого понятия шло в русле двух филологических традиций. Первая из них берет свое начало в трудах М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана и утвердилась в теории литературы. Вторая традиция восходит к исследованиям А. Вежбицкой и оказала решающее влияние на понимание *метатекста* в лингвистической науке. Наше исследование выполнено в теоретических рамках последней традиции.

Под метатекстом в лингвистике принято понимать определенное структурно-семантическое образование, ориентированное на осмысление, пояснение и описание языкового кода, используемого в процессе порождения текстов различного происхождения и назначения. Лингвистические исследования метатекста выполняются с привлечением обширной и разнообразной эмпирической базы. Так, даже поверхностный взгляд в сторону специальной научной литературы позволяет увидеть, что изучение характеристик метатекста проводится на материале научных текстов [7, 22], текстов публицистической направленности [6, 9], художественных текстов [14, 21], сакральных текстов [17], рекламных текстов [12] и др.

Объектом настоящего исследования являются метатекстовые структуры, инкорпорированные в ткань художественных текстов современных русских писателей. Предметом исследования выступают функционально-стилистические, когнитивно-дискурсивные и индивидуально-авторские характеристики метатекста в прозе современных русских писателей. В качестве анализируемого материала используются тексты известных художественных произведений, причисляемых критикой к категории «новой русской классики»: «Дождь в Париже» Р. Сенчина, «Совместно» Ю. Полякова, «Кысь» Т. Толстой, «S.N.U.F.F.» В. Пелевина.

В пользу актуальности проведенного исследования приведем следующие аргументы. Во-первых, изучение структуры, свойств и функций метатекста относится к числу важных задач языкознания на современном этапе его развития. Во-вторых, исследование проводилось в междисциплинарном пространстве, что, как известно, способствует достижению новых научных результатов. Работа выполнена на стыке теории текста, лингвистического анализа художественного текста и теории обыденной лингвистики. В-третьих, в поле изучения метатекста сохраняется большое количество вопросов и нерешенных задач. Вопросы ка-

саются широкого круга проблем: от упорядочения терминологии до типологического освещения метатекстовых структур. Перспективы постановки новых задач связаны с потенциальной неисчерпаемостью художественных текстов, обладающих индивидуально-авторскими особенностями строения метатекста.

Целевые установки и методология исследования

Цель работы заключается в выявлении и описании функционально-стилистических типов метатекста, представленных в анализируемых текстах. Достижение поставленной цели обеспечивается решением следующих задач: 1) уточнить понятие *метатекст*, широко употребляемое в современных лингвистических исследованиях; 2) сопоставить понятие *метатекст* с такими смежными понятиями, как *рефлексив* и *регулятив*; 3) установить и описать языковые характеристики разных функционально-стилистических типов метатекста.

Методология исследования сформирована комплексом применяемых теоретических и эмпирических методов. К числу теоретических методов относятся: методы анализа, обобщения и критической интерпретации научных работ по тематике исследования. Основными эмпирическими методами выступили метод филологического анализа текста и метод когнитивно-дискурсивного анализа.

Постановка и обсуждение проблемы

Своим появлением в лингвистике термин *метатекст* обязан знаменитой статье А. Вежбицкой «Метатекст в тексте», опубликованной в 1971 году [24], а в 1978 году появившейся в русском переводе [5]. Названная работа дала мощный импульс исследованию обозначенной проблематики. Вместе с тем сама А. Вежбицка не дала четкого определения термину, что, по мнению ряда ученых, заложило фундамент процесса семантической дифференциации и в итоге привело к его многозначности [16, с. 36; 25, с. 107]. Большинство современных ученых сходятся во мнении, что в лингвистике отсутствует единый подход к пониманию метатекста [8, 10, 15, 16, 19]. Общепринятой также является точка зрения, согласно которой к пониманию и исследованию метатекста может быть применен как «широкий», так и «узкий» подход или, выражаясь словами А.В. Кузнецовой, метатекст может рассматриваться как «текст в тексте» или «текст о тексте» [15, с. 278]. При этом широкий подход («текст в тексте») «позволяет рассматривать метатекст как значимую структурно-семантическую единицу в составе целостного текста...», тогда как узкий подход («текст о тексте») «ориентирован на выявление метатекстовых операторов (маркеров) в составе высказывания» [15, с. 278].

Следует констатировать, что в лингвистической науке скорее возобладал второй подход.

В этой связи оправданным выглядит утверждение А.А. Бурова о том, что лингвистическая традиция видит в метатексте не разновидность текста, а совокупность метатекстовых элементов [4]. При этом в самом исследовательском подходе «текст о тексте» отчетливо проявляются две группы работ. В первой из них изучаются результаты метаязыковой рефлексии над единицами языка, зафиксированные на поверхности текста (примеры такого рода исследований представлены в [13, 21]). Вторую группу образуют работы, объектом изучения которых являются метапрагматические маркеры, выступающие в роли метаорганизаторов коммуникации (в качестве примеров укажем на [2, 23]).

Содержательная неопределенность термина *метатекст* создала предпосылки для возникновения конкурентной среды, в которой альтернативные термины значительно «потеснили» *метатекст*. Речь, в первую очередь, идет о термине *рефлексив*, введенном в научный оборот И.Т. Вепревой. Рефлексив определяется как «относительно законченное метаязыковое высказывание, содержащее комментарий к употребленному слову или выражению» [6, с. 8].

Успешное распространение термина *рефлексив* используется некоторыми учеными в качестве аргумента в пользу рассмотрения перспектив развития целого научного направления как динамики от метатекста к рефлексиву [10]. При этом была сделана попытка разграничить употребление терминов *метатекст* и *рефлексив* по критерию исследуемого материала. Так, «влияние» термина *метатекст* автор распространяет на изучение метаязыковой рефлексии в научных и художественных текстах. Термину же *рефлексив* отдается предпочтение при исследовании публицистических текстов [10, с. 338]. Указанная дифференциация нам кажется априорной и искусственной, не имеющей отношения к онтологическим или структурным характеристикам различных типов текста. По нашему мнению, она спровоцирована тем фактом, что первые исследования (в том числе работы И.Т. Вепревой), в которых начал употребляться термин рефлексив, проводились на материале именно публицистических текстов. Конкурентное преимущество *рефлексива* по сравнению с *метатекстом* заключается в особенностях внутренней формы терминов. Внутренняя форма термина *метатекст* предполагает, что метаязыковой комментарий является структурной единицей уровня текста. На практике (если не принимать к рассмотрению собственно лингвистические тексты) мы имеем дело с относительно небольшим количеством текстов или крупных фрагментов текста, содержание которых ориентировано на языковой код. Метаязыковой комментарий, как правило, воплощается на уровне предложения или даже словосочетания. Поэтому термин *рефлексив*, внутренняя форма которого не отсылает нас к конкретному уровню языка (речевой деятельности),

выглядит в этом смысле предпочтительнее. Его дополнительным преимуществом становится отсылка через внутреннюю форму знака к факту (результату) метаязыковой рефлексии, что прямо указывает на сущность обозначаемого явления.

Вместе с тем у термина *рефлексив*, употребляемого для обозначения метаязыковых контекстов в художественных произведениях, имеется один существенный недостаток. Его внутренняя форма (в отличие от термина *метатекст*!) «не говорит» о роли обозначаемых им явлений в формировании смыслового каркаса художественного текста. При этом рефлексивы в художественном тексте зачастую выполняют функцию специального кода, раскрывающего авторский замысел. Неслучайно целый ряд авторов видят в рефлексиве (метатексте) «своеобразные „ключи“ для интерпретации текста» [21], ориентирующую систему в коммуникативном пространстве дискурса (текста) [3], способ выявить понятийные и иного рода связи, формирующие целостность текста [14], интерпретативный потенциал [11], способ распознать авторские интенции [1].

С целью преодолеть указанный недостаток термина *рефлексив* в специальной литературе отмечается использование термина *регулятив*, под которым «понимается микроструктура, состоящая из элементов текста, формирующих некоторую мыслительную структуру, ... отражающую осознаваемую читателем микроцель в рамках определенной коммуникативной стратегии автора» [20, с. 222]. Фактически *рефлексив* и *регулятив* характеризуются тождеством денотата. Особенность регулятива состоит в том, что он призван обеспечить связь между автором и читателями. Регулятив выполняет функцию «регулятора» восприятия и понимания читателем художественного текста.

Результаты исследования

Рассмотрев историю становления и современные контексты употребления термина *метатекст*, а также изучив специфику его парадигматических отношений со смежными терминами (*рефлексив* и *регулятив*), мы пришли к выводу о том, что при условии определенного уточнения его значения он будет востребован в описании конструкций метаязыкового содержания в художественных текстах. Следует отметить, что в художественном тексте, как правило, одновременно функционируют сразу два метаязыковых кода. Первый из них разворачивается на линейном уровне текста, вплетаясь в основное повествование в виде разного рода проявлений авторской рефлексии над единицами и фактами языка и речи. Для обозначения подобных конструкций вполне целесообразным выглядит использование термина *рефлексив*. Второй метаязыковой код, формируемый на более высоком семантическом этаже, участвует в воплощении идейного замысла произведения. Он манифестируется на уровне интегрального восприятия худо-

жественного текста. При этом строительным материалом для этого кода зачастую выступают рефлексивы. Считаем релевантным употребление термина *метатекст* для обозначения такого рода содержательных структур.

Исходя из сказанного выше, предложим собственное определение термина *метатекст*, но ограничим область его применения конструкциями художественного текста. Под *метатекстом* мы понимаем текстовые структуры, опирающиеся на рефлексию автора и образующие смысловую платформу, которая обеспечивает трансляцию художественного замысла текста. При изложенной точке зрения, метатекст и рефлексив сосуществуют в художественном тексте. А понятия, обозначенные этими знаками, следует признать пересекающимися, но не тождественными.

Изложенные теоретические положения мы применили при решении практической задачи, связанной с установлением и описанием типов метатекста в художественных текстах. С этой целью были проанализированы, в первую очередь, функционально-стилистические характеристики метатекста. Для уточнения типологической картины изучались также когнитивно-дискурсивные и индивидуально-авторские характеристики метатекста.

Результатом проведенного исследования стало выявление двух базовых функционально-стилистических типов метатекста. Первый из них мы будем называть конструктивным, второй – деструктивным. При этом оба типа имеют единую основу, содержательно связанную с когнитивной метафорой «язык – зеркало действительности». Укоренившиеся в сознании реципиента представления о том, что язык отражает реальность, дают в руки писателя мощный инструмент формирования действительности с помощью слова.

Конструктивный и деструктивный метатексты используют разные модели создания художественной реальности. Конструктивный метатекст является результатом применения автором созидательной модели, опирающейся на семантический потенциал знаков. Деструктивный метатекст имеет противоположную природу, он задействует механизм разрушения, деконструкции знака, создавая тем самым новую альтернативную художественную реальность.

Для иллюстрации полученных результатов обратимся к художественным текстам современных русских писателей, в которых нами были установлены указанные типы метатекста. Конструктивный тип метатекста представлен в романах Р. Сенчина «Дождь в Париже» и Ю. Полякова «Совдетство». Совершенно разные произведения с точки зрения сюжетных линий и литературной техники исполнения оказываются близки на уровне метатекста. Авторы стремятся точно, до мельчайших подробностей передать картину и дух эпохи, в которой проходит жизнь персонажей. К эпохаль-

ным картинам авторы приходят через словесные этюды, при создании которых широко задействуются механизмы авторской рефлексии. Акцент делается на словах и выражениях, наиболее глубоко и всесторонне передающих образ эпохи.

Рефлексивы, формирующие каркас конструктивного метатекста, представляют собой метаязыковые комментарии, в которых воплощается рефлексия автора над семантикой или функционированием языковых единиц. В таких случаях рефлексив выполняет функцию точки аттракции, которая привлекает внимание читателя.

В романе «Дождь в Париже» рефлексивы, комментирующие семантику слов, воссоздают реалии эпохи «перестройки» и «первых лет демократии»: *Из них многие стали «плановиками» – добывали в степях анашу, пластилин, план, шишки, пыль, гаши ...* (Р. Сенчин «Дождь в Париже», с. 55); *С тех пор как в начале девяностых временные трудности сменились разрухой, которая, в свою очередь, когда почти все было разрушено, превратилась в тоскливую серость, которой нашли научное определение – стагнация* (Р. Сенчин «Дождь в Париже», с. 63).

В романе «Совдетство» рефлексивы с информацией о семантике слова акцентируют внимание читателя на реалиях советской эпохи: *На втором этаже церкви, над боксерами, как раз секция самбо, это так и расшифровывается: самооборона без оружия* (Ю. Поляков «Совдетство», с. 341); *На противоположной стороне улицы, возле единственного в Москве магазина «Автомобили», заполнив тротуар и часть мостовой, как всегда, толпились автолюбители. Башашкин называет их «автомечтателями»* (Ю. Поляков «Совдетство», с. 324).

Авторская рефлексия может касаться не только семантики слова, но способна обращаться к осмыслению функционирования языковых единиц. Благодаря такого рода рефлексивам в тексте романов производится глубокое осмысление слов – маркеров эпохи. Так, Р. Сенчин перестроечное и постперестроечное время характеризует через призму употребления слов «нерентабельный» и «выбрасывать»: *Отдел тканей, такой еще недавно популярный у горожан, перешел в разряд нерентабельных. Это слово очень часто тогда употребляли* (Р. Сенчин «Дождь в Париже», с. 110); *Почему-то продукты в городе появлялись разом: две-три недели – пусто, а затем – «выбрасывали» (популярное слово тогда)* (Р. Сенчин «Дождь в Париже», с. 106).

Ю. Поляков погружает читателя в советскую действительность с помощью рефлексивов, отражающих особенности функционирования лексических единиц с характерными для эпохи значениями: *Взрослые почти никогда не говорят «купил», а исключительно – «достал», реже – «оторвал», порой – «взял», иногда – «добыл»* (Ю. Поляков «Совдетство», с. 47); *Будучи маленьким, я не по-*

нимал, что значит слово «специния», хотя догадывался: за ним скрывается нечто ужасное (Ю. Поляков «Совдетство», с. 318).

Деструктивный тип метатекста широко представлен в произведениях, относящихся к постмодернистской прозе. Следует отметить, что четкое выделение метатекста в тексте, а также насыщенность текстового пространства элементами авторской рефлексии характерно для постмодернистского художественного творчества. Ученые отмечают тот факт, что «в эпоху постмодернизма перенос художественного внимания на творческий процесс становится все более акцентированным, и внимание к собственному речевому поведению иногда настолько преобразует некоторые художественные тексты, что становится сложно последовательно разграничивать текст и метатекст» [16, с. 37].

Характеристики деструктивного метатекста мы проиллюстрируем на примерах из романа В. Пелевина «S.N.U.F.F.» (заметим, что метатекстуальность рассматривается как релевантный признак творчества В. Пелевина [18, с. 1360]) и романа Т. Толстой «Кысь». Деструктивный метатекст реализуется через особый тип рефлексивов, в которых манифестируется разрушение формы или семантики знака.

Разрушение формы знака фиксируется в имплицитных рефлексивах, представляющих собой слова или словосочетания с намеренно искаженным орфографическим обликом. Через деконструкцию знака авторы разрушают стандарты действительности, тем самым прокладывая путь в сознании читателя для образов «иной» реальности: *Матушка ему: – Ты меня пальцем тронуть не смеешь! У меня ОНЕВЕСТИЦКОЕ АБРАЗАВАНИЕ!* (Т. Толстая «Кысь», с. 17); *Придешь, говорит, в МОГОЗИН – берешь что хочешь, а не нравится, – и нос воротишь, не то что нынче* (Т. Толстая «Кысь», с. 14); *– Я отвечу тебе, – прогремел он, вознося свой посох еще выше. – Я философ* (В. Пелевин «S.N.U.F.F.», с. 41); *В характерной для византийской живописи манере поверх рисунка было написано: ПЕЛОТЫ ИДУТ В ОТАКУ НА ПЕЛОТОК* (В. Пелевин «S.N.U.F.F.», с. 300).

Разрушение содержания (семантики) знака может осуществляться через ситуационную трактовку общеупотребительного слова (словосочетания) в качестве агнонима. Так, в приведенных ниже рефлексивах из романа «Кысь» констатируется факт незнания коммуникантом значений слов, обозначающих бытовые предметы или явления (пример 1), и значения термина, знакомство с которым предусматривает школьная программа (пример 2): *...Абонентские книжечки? ... Газ? ... Телефон? ... Коллективная антенна? ... Квитанции на перерасчет? ... Слова все такие непонятные, смешные, ужаси* (Т. Толстая «Кысь», с. 142–143); *А есть «Синтаксис», слово какое-то вроде как непристойное, а что значит, не понять. Должно, матерное.* (Т. Толстая «Кысь», с. 216).

В. Пелевин в качестве «ложных» агнонимов использует слова *гольф* и *парламент*: *– Что это у тебя за железка? – спросил Грым. – Ключика для гольфа. – сказала Хлоя ... – А что такое гольф? – Не знаю ...* (В. Пелевин «S.N.U.F.F.», с. 190); *– Что это? – спросил Грым. – Парламент, – ответил Дамилола. Видимо, так назывался подобный тип замка* (В. Пелевин «S.N.U.F.F.», с. 296).

Для разрушения лексической семантики В. Пелевин прибегает к рефлексивам, построенным на базе ложной этимологии. Под действием ложной этимологии происходит переосмысление семантики слова. «Новое» значение, в свою очередь, создает «новую» реальность: *Как объясняет электронный словарь, «кручиной» в древности называлась круглая ручка, которую надо было крутить, чтобы менять настройку электронного прибора* (В. Пелевин «S.N.U.F.F.», с. 94); *Интересно, что такое «забрало»? В экранном словаре это слово отдельно не объясняется, есть только общий смысл идиомы: «с открытым забралом» – «честно, прямодушно». Но я уверен, что в древности смысл выражения был не таким возвышенным. Наверно, «забрало» – это был такой специальный железный манипулятор в виде огромной руки, которым что-то забирали при штурме замков* (В. Пелевин «S.N.U.F.F.», с. 125).

Похожие рефлексивы, отражающие процесс поиска значения неизвестного слова, представлены в тексте романа «Кысь»: *– Вот я вас все хочу спросить, Бенедикт. Вот я стихи Федора Кузьмича, слава ему, перебелию. А там все: конь, конь. Что такое «конь», вы не знаете? Бенедикт подумал ... – Должно быть, это мышь. – Почему вы так думаете? – А потому что! «али я тебя не холью, али ешь овса не вволю». Точно, мышь. – Ну а как же тогда: «конь бежит, земля дрожит»? – Стало быть, крупная мышь* (Т. Толстая «Кысь», с. 46); *А почему еще жизнь духовную называют возвышенной? – да потому что книгу куда повыше ставят, на верхний ярус, на полку, чтобы если случись такое несчастье, что пробралась тварь в дом, так чтобы понадежнее уберечь сокровище* (Т. Толстая «Кысь», с. 307).

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что в художественных произведениях современной русской прозы наблюдается переплетение собственно текстовых и метатекстовых структур. Для обозначения последних принято употреблять термины *метатекст*, *рефлексив*, *регулятив*. В ходе исследования была выдвинута оригинальная концепция взаимодействия метатекста и рефлексива. Под метатекстом предложено понимать совокупность текстовых структур, состоящих из рефлексивов и образующих смысловую базис, который обеспечивает трансляцию художественного замысла текста. Таким образом, явления

рефлексива и метатекста относятся к разным семантическим уровням.

В текстах современной русской прозы установлено два базовых типа метатекста: конструктивный и деструктивный. Конструктивный метатекст формируется за счет глубокой авторской рефлексии над семантикой языковых единиц, создавая значимые художественные образы. Деструктивный метатекст отходит от стандарта языковой нормы и узуса, рефлексия автора принимает вид

деконструкции знака, что приводит к появлению альтернативной художественной реальности.

В ходе исследования была выявлена следующая закономерность: конструктивный метатекст, как правило, характерен для произведений, созданных в русле эстетики реализма (романы «Дождь в Париже», «Советство»), деструктивный метатекст используется в произведениях, обладающих признаками постмодернистской эстетики (романы «Кысь», «S.N.U.F.F.»).

Список литературы

1. Байгарина Г.П. Авторские интенции в художественном тексте сквозь призму метатекста // Русская литература в иностранной аудитории: сб. научных статей по итогам XIII Международной научно-практической конференции. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. С. 256–265.
2. Богданова-Бегларян Н.В. Так сказать – рождение прагматического маркера (об активных процессах в русской устной речи) // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное. М.: Флинта, 2021. С. 73–85.
3. Борботько Л.А. Авторский метатекст как ориентирующая система в коммуникативном пространстве театрального дискурса: Автореф. диссертации кандидата филол. наук. М., 2015. 28 с.
4. Буров А.А. Проблема метатекста в современной лингвистике [Электронный ресурс]. URL: https://upload.pgu.ru/iblock/f61/uch_2010_viii_00003.pdf. (дата обращения: 10.06.2023).
5. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: «Прогресс», 1978. С. 402–424.
6. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
7. Гаврилова А.А. Метатекстовые элементы в научном тексте. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. 180 с.
8. Гилева А.А. Аспекты изучения метатекста в лингвистике // Известия ВГПУ, 2009, № 10. С. 26–32.
9. Гурина Н.М. Метаязыковая рамка актуализации эвфемизмов в языке современной публицистики // Русский язык: система и функционирование: сб. материалов V Международной научной конференции. Минск: БГУ, 2011. С. 106–109.
10. Иванников Е.Б. Языковая рефлексия: от метатекста к рефлексиву // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017, № 1. С. 337–347.
11. Карпухина Т.П., Смирнова Е.П. Интерпретативный потенциал метатекста в тексте (на материале романа Д. Тартт «Щегол» («The Goldfinch»)) // Вопросы филологии и переводоведения: направления и перспективы современных исследований: сб. научных трудов. Чебоксары: Чувашский гос. пед. ун-т, 2020. С. 198–203.
12. Кравченко М.А. Отражение метаязыковой рефлексии в современной рекламе, или когда метатекст важнее текста // Litera. 2023. № 4. С. 118–130.
13. Кравченко М.А. Рефлексивы с семантикой оценки в пространстве художественного текста // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 103–111.
14. Кузнецова А.В. Метатекст в художественном тексте: прагматика и функции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 9. С. 265–268.
15. Кузнецова А.В. Семантика метатекста в художественной коммуникации // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 2 (35). С. 278–281.
16. Лукина Н.В. Проблема выделения метатекста в художественном тексте // Вестник РУДН. Серия «Русский язык и иностранные языки и методика их преподавания». 2009, № 3. С. 35–41.
17. Николаева Т.М. Метатекст и его функция в тексте (на материале Маринского евангелия) // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 27–57.
18. Осьмухина О.Ю. Метароман vs метатекст: дискуссионный аспект изучения прозы В. Пелевина // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2022, Т. 15, № 5. С. 1359–1363.
19. Перфильева Н.П. Интерпретация термина метатекст в лингвистике // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2005. Т. 4. Вып. 4. Филология. С. 12–19.
20. Петрова Н.Г.К вопросу о соотношении понятий «рефлексив» и «регулятив» // Сибирский филологический журнал, 2016, № 4. С. 219–227.
21. Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): моногр. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 328 с.
22. Czoska A. The Usage and Meaning of Mentioned (Wspomniany) and Described (Opisany) Metatext Markers in Polish Scientific Texts // Cognitivestudies / Etudescognitives, 2018. Issue: 18.

23. Shilikhina K. Metapragmatic markers of the bona fide and non-bona fide modes of communication // Humorous Discourse: De Gruyter Mouton, 2017. P. 107–130.
24. Wierzbicka A. Metatekst w tekście // O spójności tekstu. Wrocław, 1971. P. 105–121.
25. Witosz B. Metatext in the Discourse of the Theory of Text, Stylistics and Pragmalinguistics // Forum Lingwistyczne. Forum of Linguistics, 2017, № 4. P. 107–112.

References

1. Bajgarina G.P. [Author's Intentions in a Literary Text Through the Prism of Metatext]. *Russkaya literatura v inostrannoj auditorii: sb. nauchnyh statej po itogam XIII Mezhduнародnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Russian Literature in a Foreign Audience: Collection of Scientific Articles Based on the Results of the XIII International Scientific and Practical Conference], St. Petersburg: RGPU im. A.I. Gercena, 2022, pp. 256–265. (In Russ.)
2. Bogdanova-Beglyarjan N.V. [So to Speak – the Birth of a Pragmatic Marker (About Active Processes in Russian Oral Speech)]. *Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke: nacional'noe i internacional'noe* [Active Processes in the Modern Russian language: National and International], Moscow: Flinta, 2021, pp. 73–85. (In Russ.)
3. Borbot'ko L.A. *Avtorskij metatekst kak orientiruyushchaya sistema v kommunikativnom prostranstve teatral'nogo diskursa: Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The Author's Metatext as an Orienting System in the Communicative Space of Theatrical Discourse. Abstract of cand. sci. dis.], Moscow, 2015. 28 p. (In Russ.)
4. Burov A.A. *Problema metateksta v sovremennoj lingvistike* [The Problem of Metatext in Modern Linguistics]. URL: https://upload.pgu.ru/iblock/f61/uch_2010_viii_00003.pdf. (accessed: 10.06.2023). (In Russ.)
5. Vezhbicka A. Metatekst v tekste [Metatext in the Text]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vyp. VIII. Lingvistika teksta [Linguistics of the Text]. Moscow: Progress, 1978, pp. 402–424. (In Russ.)
6. Vepreva I.T. *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epohu* [Linguistic Reflection in the Post-Soviet Era]. Moscow: OLMA-PRESS, 2005. 384 p. (In Russ.)
7. Gavrilova A.A. *Metatekstovye elementy v nauchnom tekste* [Metatext Elements in a Scientific Text]. Saratov: Saratovskij social'no-ekonomičeskij institut (filial) REU im. G.V. Plekhanova, 2017. 180 p. (In Russ.)
8. Gileva A.A. *Aspekty izučeniya metateksta a lingvistike* [Aspects of the Study of Metatext in Linguistics]. *Izvestiya VGPU* [Izvestiya VSPU], 2009, no. 10, pp. 26–32. (In Russ.)
9. Gurina N.M. *Metazykovaya ramka aktualizacii evfemizmov v yazyke sovremennoj publicistiki* [Metalinguage Framework of Actualization of Euphemisms in the Language of Modern Journalism]. *Russkij yazyk: sistema i funkcionirovanie: sb. materialov V Mezhduнародnoj nauchnoj konferencii* [Russian Language: System and Functioning: Collection of Materials of the V International Scientific Conference]. Minsk: BGU, 2011, pp. 106–109. (In Russ.)
10. Ivannikov E.B. *Yazykovaya refleksiya: ot metateksta k refleksivu* [Linguistic reflection: from metatext to reflexive]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture]. 2017, no. 1, pp. 337–347. (In Russ.)
11. Karpuhina T.P. [The Interpretive Potential of Metatext in the Text (Based on the Material of D. Tartt's Novel “The Goldfinch”)]. *Voprosy filologii i perevodovedeniya: napravleniya i perspektivy sovremennyh issledovanij: sb. nauchnyh trudov* [Questions of Philology and Translation Studies: Directions and Prospects of Modern Research: Collection of Scientific Papers]. Cheboksary: Chuvashskij gos. ped. un-t, 2020, pp. 198–203. (In Russ.)
12. Kravchenko M.A. *Otazhenie metazykovoj refleksii v sovremennoj reklame, ili kogda metatekst vazhnee teksta* [Reflection of metalanguage reflection in modern advertising, or when metatext is more important than text]. *Litera*. 2023 a, no. 4, pp. 118–130. (In Russ.)
13. Kravchenko M.A. *Refleksivy s semantikoj ocenki v prostranstve hudozhestvennogo teksta* [Reflexives with semantics of evaluation in the space of a literary text]. *Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik* [Verhnevolzhsky Philological Bulletin]. 2023 b, no. 1 (32), pp. 103–111. (In Russ.)
14. Kuznecova A.V. *Metatekst v hudozhestvennom tekste: pragmatika i funkcii* [Metatext in a literary text: pragmatics and functions]. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2020, vol. 13, vyp. 9, pp. 265–268. (In Russ.)
15. Kuznecova A.V. *Semiozis metateksta v hudozhestvennoj kommunikacii* [Semiosis of Metatext in Artistic Communication]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2021, vol. 10, no. 2 (35), pp. 278–281. (In Russ.)
16. Lukina N.V. [The Problem Selection of Metatext in a Literary Text]. *Vestnik RUDN. Seriya “Russkij yazyk i inostrannye yazyki i metodika ih prepodavaniya”* [Bulletin of the RUDN. The Series “Russian and Foreign Languages and Methods of Their Teaching”]. 2009, no. 3, pp. 35–41. (In Russ.)

17. Nikolaeva T.M. [Metatext and its Function in the Text (Based on the Material of the Mariinsky Gospel)]. *Issledovaniya po strukture teksta* [Studies on the Structure of the Text]. Moscow: Nauka, 1987, pp. 27–57. (In Russ.)
18. Os'muhina O.Yu., Mar'yushkina A.P. [Metaroman vs Metatext: a Debatable Aspect of the Study of V. Pelevin's Prose]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2022, vol. 15, no. 5, pp. 1359–1363. (In Russ.)
19. Perfil'eva N.P. Interpretaciya termina metatekst v lingvistike [Interpretation of the Term Metatext in Linguistics]. *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya* [Bulletin of the NSU. Ser.: History, Philology]. 2005. V. 4. Vyp. 4. Filologiya, pp. 12–19. (In Russ.)
20. Petrova N.G. [On the Question of the Correlation of the Concepts “Reflexive” and “Regulative”. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2016, no. 4, pp. 219–227. (In Russ.)
21. Shumarina M.R. *Yazyk v zerkale hudozhestvennogo teksta. Metazykovaya refleksiya v proizvedeniyah russkoj prozy: monografiya* [Language in the Mirror of a Literary Text. Metalanguage Reflection in Works of Russian Prose: monograph]. Moscow: FLINTA: Nauka, 2011. 328 p. (In Russ.)
22. Czoska A. The Usage and Meaning of Mentioned (Wspomniany) and Described (Opisany) Metatext Markers in Polish Scientific Texts. *Cognitive studies / Etudes cognitives*, 2018. Issue: 18. (In Eng.)
23. Shilikhina K. Metapragmatic markers of the bona fide and non-bona fide modes of communication. *Humorous Discourse: De Gruyter Mouton*, 2017, pp. 107–130. (In Eng.)
24. Wierzbicka A. *Metatekst w tekście. O spójności tekstu*. Wrocław, 1971, pp. 105–121.
25. Witosz B. Metatext in the Discourse of the Theory of Text, Stylistics and Pragmalinguistics. *Forum Lingwistyczne – Forum of Linguistics*, 2017, no. 4, pp. 107–112. (In Eng.)

Информация об авторе

Кравченко Михаил Александрович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Массовые коммуникации и прикладная лингвистика», Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия; mak@rgups.ru.

Information about the author

Mikhail A. Kravchenko, Candidate of Philology, Associate professor, Chair of Mass Communication and applied Linguistics, Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia; mak@rgups.ru.

Статья поступила в редакцию 28.06.2023.

The article was submitted 28.06.2023.